

Бай Цзюнь закашлялся, выплевывая сгусток крови, застрявший в горле. Его губы, окрашенные алым, стали еще ярче на фоне мертвенной бледности кожи, которая, казалось, никогда не видела солнечного света.

Если не считать рассыпавшихся по плечам черных, как смоль, волос, выбившихся из-под слетевшего капюшона, черты его лица казались совсем юными, а чрезмерная худоба придавала ему болезненную хрупкость. Он напоминал изящный стеклянный сосуд, выставленный на самый край полки, — того и гляди сорвется и разобьется. И все же от каждого его движения веяло чем-то пугающе неестественным.

Даже зная, насколько он коварен и какая змеиная натура скрывается под этой оболочкой, невозможно было не смотреть на него, невозможно было не поддаться его странному притяжению.

Служанка чувствовала именно это.

Битва двух волшебников началась слишком внезапно и закончилась слишком быстро, в одно мгновение обернувшись взаимным поражением.

Служанка не успела даже понять, что произошло: вот черный волшебник отлетает от удара белого, а вот уже грудь самого белого волшебника оказывается пробита черной магией.

Пострадавший белый волшебник быстро взял себя в руки и принялся залечивать раны магией.

Понимая, что ничем не может помочь, служанка перевела взгляд на черного волшебника, поверженного наземь.

Скрытый под тяжелым плащом, он всегда казался угрюмым, холодным и пугающим.

Но сейчас, лежа среди обломков, черный волшебник выглядел таким хрупким и жалким. Кровь непрерывно сочилась из его губ, а бледные щеки были покрыты кровавыми полосами. Она знала, что он жесток, что пришел сюда, чтобы навредить принцессе, но все равно... все равно не могла отделаться от жалости к нему.

Жалость?

Служанка испугалась собственных мыслей. Она вдруг осознала, к кому испытывает это чувство.

Это же черный волшебник! Почему она ему сочувствует?

Разве он не получил по заслугам?

Думая так, она все равно не могла отвести глаз от лежащего на земле мужчины.

Бай Цзюнь с трудом поднялся на ноги. Каждое движение отдавалось острой болью, пронзающей тело насквозь. Осколки стекла, запутавшиеся в складках плаща, осыпались на пол, оставляя на прозрачных кристаллах алые следы.

Он даже не взглянул на служанку.

Его черные, как обсидиан, глаза были устремлены на белого волшебника неподалеку. Внезапно он прищурился, длинные темные ресницы опустились, скрывая в тени безумный огонь, бушующий в глубине души.

Белый волшебник тоже посмотрел на него — Бай Цзюнь почувствовал этот взгляд даже сквозь широкополую шляпу.

Тогда улыбка на губах Бай Цзюня стала шире, и он, понизив голос до шепота, едва слышно произнес:

— Мы еще увидимся.

С этой улыбкой он на глазах у белого волшебника исчез, воспользовавшись магией перемещения, оставив после себя лишь хаос и плачущую в зале принцессу.

Одиннадцать волшебников уже успели одарить принцессу своими дарами, и каждое из этих заклятий было уникальным и нерушимым.

Если волшебник дарит благословение, принцессу ждет великое будущее.

Но если волшебник дарит проклятие в дополнение к уже имеющимся дарам, это становится страшной карой небесной.

Когда король в спешке прибежал из банкетного зала, белый волшебник уже закончил лечить свои раны и стоял у колыбели Авроры, обсуждая с остальными одиннадцатью волшебниками, как спасти ребенка.

— Какие дары вы преподнесли принцессе? — спросил белый волшебник.

Волшебники наперебой принялись отвечать:

— Я дарю принцессе высшую мудрость.

— Я дарую принцессе несравненную красоту.

— Я дарую принцессе долгую жизнь.

— Я дарую принцессе крепкое здоровье.

...

Одиннадцать благословений, и ни одно из них не даровало бессмертия. Это означало, что проклятие черного волшебника не будет снято, и принцесса умрет в пятнадцать лет.

Если бы не появление черного волшебника, никому из них и в голову не пришло бы даровать ребенку иммунитет к смерти. К тому же он подгадал время: произнес проклятие сразу после того, как все остальные закончили дарить свои дары. Если бы не один запоздавший волшебник, его злое проклятие непременно бы сбылось.

К несчастью, последний белый волшебник, пришедший с опозданием, еще не успел преподнести свой дар.

Пусть он не мог полностью отменить проклятие черного волшебника, он мог изменить его с помощью своего благословения.

Белый волшебник положил руку на лоб Авроры и торжественно произнес:

— Принцесса не умрет в пятнадцать лет от укола веретеном, а лишь погрузится в сон на сто лет, после чего проснется.

Принцесса, пусть благословения волшебников окружают тебя, расти в мире и покое, усни в пятнадцать лет и проснись в будущем.

Проклятие не причинит тебе вреда, расти счастливой.

Четырнадцать лет спустя, Империя Офир.

В огромном розовом саду золотоволосая девушка, приподняв подол своего пышного платья, порхала среди цветов. Ее тонкая, как у лебедя, шея была гордо вытянута, а легкий ветерок играл золотистыми прядями волос. Наряд из нежно-сиреновой ткани, украшенный тончайшим кружевом, был безупречен до последней ниточки. Пестрые бабочки вились вокруг нее, а красота принцессы была столь ослепительна, что даже цветы в саду казались блеклыми на ее фоне.

— Ваше Высочество, прошу вас, бегите медленнее! Если подол будет так сильно развеиваться, а господин Фит это увидит, вам снова добавят внеочередные уроки этикета!

Служанка, едва поспевая за Авророй, испуганно шептала свои предостережения.

Аврора обернулась, и в ее ярко-синих глазах блеснула хитринка:

— Ничего страшного, добавят так добавят. Если господина Фита это не утомляет, я готова заниматься этикетом хоть весь день.

Служанка лишь вздохнула:

— Вы просто невозможны...

Вдруг она замерла, лицо ее окаменело. Аврора, глядя на нее, недоуменно спросила:

— Что случилось, Лорин? Почему ты вдруг так побледнела?

— Ваше Высочество, ваш подол... вы держите его слишком высоко, опустите, пожалуйста.

Теперь настала очередь Авроры замереть. Она почти рефлекторно опустила подол, с виноватой улыбкой развернулась и выполнила безупречный поклон.

— Да хранит нас бог Бальдер, да будет свет в Империи вечен. Добрый день, господин Фит.

Фит Каланса, чьи черные волосы были аккуратно собраны и ниспадали на спину, был одет в белоснежный фрак церемониймейстера. Его образ был прост и элегантен, лишь края манжет украшала изящная вышивка из золотых оливковых листьев, подчеркивающая его статус.

Ответив на поклон, он выпрямился с такой точностью, будто его движения были выверены по линейке.

Каждый его жест дышал благородством.

— Господин Фит, вы пришли специально ко мне? — Аврора с надеждой заглянула ему в глаза.

— Ваше Высочество, время урока этикета еще не наступило.

Подразумевалось: нет.

Аврора разочарованно опустила голову:

— А я уж подумала, что вы пришли навестить меня. Оказывается, вы просто решили, что мои манеры оставляют желать лучшего.

— Что вы, Ваше Высочество, вы обладаете редким талантом и учитесь быстрее всех, кого я когда-либо встречал.

Фит, словно не в силах вынести ее грусти, добавил:

— Его Величество король вызвал меня по делу. Как только освобожусь, я обязательно зайду к вам. А пока прошу вас повторить пройденный материал.

— Обязательно! Тогда не смею вас больше задерживать, до встречи.

Аврора приподняла края платья и с изящной улыбкой проводила его взглядом. Как только фигура Фита скрылась из виду, ее улыбка угасла.

Служанка поспешно прошептала:

— Ваше Высочество, вам так не хочется отпускать господина Фита? Не волнуйтесь, скоро начнется урок этикета...

Аврора покачала головой:

— Нет, я просто думаю... когда же он начнет уделять мне больше внимания? Смотреть только на меня? У него всегда столько дел.

Аврора чувствовала досаду. В империи многие уважали и любили ее, но ей было нужно совсем не это.

Она лишь хотела, чтобы взгляд Фита хоть на мгновение задержался на ней подольше.

В коридоре, ведущем к покоям короля, черноволосый церемониймейстер потер уставшую шею и тихо выругался. На мгновение его фиалковые глаза потемнели, но тут же вновь стали прежними.

Это был Бай Цзюнь, скрывающийся под личиной.

Ничего не подделаешь, раз уж этот белый волшебник устроился на службу во дворец и вместо того, чтобы заниматься магией, решил учить принцессу хорошим манерам.

Чтобы подобраться к Авроре, выполнить задание и заодно проучить этого высокомерного белого волшебника, Бай Цзюнь, перебрав кучу неподходящих профессий, в конце концов выбрал роль церемониймейстера.

Работа была неплохой: спокойной и непыльной, если не считать необходимости постоянно поддерживать маску безупречной элегантности.

Было бы еще лучше, если бы принцесса Аврора не придумывала тысячи причин, чтобы заставить его оставаться на дополнительные занятия.

Эта принцесса, похоже, была к нему привязана. Интересно, изменилось бы ее отношение, если бы она узнала, что он — тот самый черный волшебник, проклявший ее?

После обеда Аврора, как и ожидалось, встретилась с Бай Цзюнем до начала урока.

Стараясь сохранять подобающую принцессе сдержанность, она все же не смогла скрыть восторга, рассказывая ему новую сказку:

— ...И тогда принцесса поцеловала принца, и они жили долго и счастливо. Господин Фит, разве это не прекрасная история?

Бай Цзюнь не стал делиться своим мнением, вместо этого спросив:

— А как вы думаете, принцесса из этой сказки поцеловала принца, потому что действительно его любила, или потому что он был принцем, и все вокруг ждали, что она выйдет за него замуж?

Аврора моргнула:

— Господин Фит, разве есть разница? Принцесса ведь и должна выйти замуж за принца.

С самого рождения ей твердили, что это ее судьба. Король-отец говорил то же самое, и Аврора не видела в этом ничего странного.

— А если принцесса его не любит? Если она любит другого, а принц любит не ее? Разве они все равно должны быть вместе?

Аврора растерянно посмотрела на него и покачала головой.

Бай Цзюнь холодно ответил:

— Должны. У принца есть долг — жениться на принцессе, а у принцессы — принадлежать принцу. Их роли предопределены, и неважно, кого они любят, финал сказки никогда не меняется.

Юная Аврора почувствовала внезапный холод, несмотря на залитый солнцем двор.

Она вдруг осознала, что вещи, которые она считала незыблемыми, вовсе не так правильны, как казалось.

— Но это несправедливо, господин Фит... — воскликнула она.

— Но, Ваше Высочество, такова правда жизни. В той истории, которую вы рассказали, принцесса вовсе не была влюблена в принца. Но все вокруг восхищались его храбростью и красотой, убеждая ее принять его чувства. Она приняла их лишь потому, что все смотрели на нее. Если бы она действительно хотела отказаться, она бы сделала это при первой же попытке принца ухаживать.

— И второй раз она приняла его вовсе не из любви. Скорее, из чувства долга и ожиданий окружающих.

Бай Цзюнь спокойно смотрел на Аврору, в глазах которой теперь читались лишь страх и смятение. Он медленно добавил:

— Ваше Высочество, вы спросили, считаю ли я эту историю красивой. Нет. Я считаю ее печальной.

<http://bllate.org/book/19957/1965215>